

Таз Суженых, также известный как «Таз, познающий сердца», по легенде был оставлен на земле небожителем Шиланем. На нем изображены восемь священных зверей: Лазоревый дракон, Алая птица, Белый тигр, Черная черепаха, Цюнци, Таоте и другие — четыре светлых и четыре свирепых сущности.

(Цюнци и Таоте — это два из «Четырех злых существ» (Четыре Зла) в древнекитайской мифологии, олицетворяющие пороки и хаос. Они представляют собой мифических демонов-монстров, символизирующих разрушение и пожирание всего хорошего.)

Среди них Лазоревый дракон и Алая птица (Феникс) — пара, символизирующая любовную связь. Если два человека одновременно касаются таза и эта пара зверей вспыхивает золотом — значит, их союз предначертан небесами. Если сияют другие звери (оба светлых или оба темных) — это знак нерушимой дружбы. Если же вспыхивают противоположности — они вечные соперники. Золотой свет дано увидеть только «людям с судьбой».

Всё это Гу Цинхуай вычитал в древних трактатах, но поначалу воспринимал как сказку. Даже когда подобрал таз, не верил в написанное. Пока не увидел собственными глазами, как таз сияет золотом.

Причем именно Дракон и Феникс... Это было, мягко говоря, неловко.

Прошло всего несколько дней, и Луань Чэн заметил, что отношение Гу Цинхуая к нему неуловимо изменилось. Гу Цинхуай и так был парнем холодным, а из-за его специфической ауры большинство одноклассников вообще боялись с ним заговаривать. Луань Чэн считал себя тем редким счастливчиком, который нашел с ним общий язык: оба видят духов, есть общие темы, да еще и сидят за одной партой.

Но всё это, по мнению Луань Чэна, закончилось в тот момент, когда он забрал медный таз себе. С тех пор Гу Цинхуай стал вести себя как в первый день знакомства. Между ними словно выросла невидимая стена.

— Слушай, ну серьезно, это же просто таз! К тому же он изначально принадлежал моей семье. Что я мог сделать, если твоя Сяо Людоу наотрез отказалась выселяться из него? — Луань Чэн терпел два урока, но на перемене, когда все потянулись на стадион, он зажал соседа в классе (Гу Цинхуай был освобожден от физкультуры). — Эй, ты не можешь быть настолько мелочным. Даже не разговариваешь со мной?

Луань Чэн последовал его совету и взял вещи родителей — призраки действительно стали держаться на расстоянии. Теперь он жил один в «учительском доме» и спал по ночам как убитый. Он рассчитывал, что Гу Цинхуай научит его еще чему-нибудь, а этот человек вдруг начал его игнорировать: вечно витает в облаках, на вопросы не отвечает — бред какой-то.

— О чем говорить? — Гу Цинхуай даже не взглянул на него.

— О чем угодно! Только не делай такой вид, будто я у тебя миллионы украл.

— Ты? — Гу Цинхуай наконец соизволил повернуть голову. — Не волнуйся, вряд ли кто-то заподозрит тебя в чем-то столь масштабном.

— Ах ты! — Луань Чэн глянул на часы. — Хватит ломаться. Ты парень или кто? Будь проще: есть претензии — выкладывай!

— Разве ты сам не нашел «разумное объяснение» моему поведению?

— Разумное объяснение? Ты про тот таз? Да я ляпнул первое, что пришло в голову! С чего бы тебе строить такую рожу, будто я тебе жизнь испортил, как только я его забрал? — Луань Чэн и сам чувствовал, что дело не в тазе, но других причин просто не видел.

Гу Цинхуай явно хотел что-то сказать, но промолчал.

— Луань Чэн, быстрее! За опоздание баллы снимут! — крикнул из коридора Чжоу Пэн.

— Иду! — Луань Чэн, видя, что объяснений не дожидается, со злостью пнул стул и вышел.

— У вас всё нормально? — спросил Чжоу Пэн.

— Да бес его знает, дуется на ровном месте.

— Пф-ф, ну, у парочек так бывает, милые бранятся — только тешатся.

— Я же сказал — мы не пара! — Луань Чэн окончательно вышел из себя. — Чжоу Пэн, я серьезно: мы просто одноклассники.

— Ну да, конечно! Посмотри мне в глаза и повтори это. Еще полмесяца назад ты божился, что я твой лучший друг, а теперь с парнем, которого знаешь десять дней, проводишь больше времени, чем со мной! И ты говоришь — просто одноклассники? Если между вами ничего нет, я — испанский летчик!

— Вот и лети в свою Испанию! — Луань Чэн встал в строй.

Спина его выражала крайнюю степень недовольства. Чжоу Пэн тоже был не в духе. Он не ожидал, что после выходных лучший друг просто возьмет и съедет из общежития. Съехал и ладно, но даже не предупредил заранее! Как тут не злиться?

Два самых высоких парня в классе (не считая Гу Цинхуая) бежали с мрачными лицами, словно соревнуясь в том, кто кого сильнее проигнорирует.

Луань Чэн понимал, что поступил не совсем красиво по отношению к другу, но у него не было выбора. Кроме Гу Цинхуая, никто не мог понять его проблему. Чтобы разобраться в этой чертовщине с призраками, ему необходимо было держаться поближе к соседу по парте. И он вовсе не собирался бросать Чжоу Пэна, просто боялся, что эта мистическая чехарда может как-то навредить обычным людям. Гу Цинхуай — боец, он к такому привык. А Чжоу Пэн и Хэ Ян — совсем другое дело.

Луань Чэн не знал, не перегибает ли он палку с этой секретностью, но и рассказать правду не мог. В итоге ситуация сложилась патовая: он умудрился рассориться со всеми сразу.

Это был первый раз с начала семестра, когда Луань Чэна так сильно все раздражало. Но небо словно решило окончательно с ним рассориться: мало того, что настроение и так было на нуле, так после вечерней самоподготовки случилось еще кое-что — этот подонок Цуй Шэнлинь явился по его душу.

Он явно был полон решимости встретиться и специально подгадал время к окончанию уроков. Видит бог, как изумился Луань Чэн, увидев его у ворот. Изумление мгновенно сменилось яростью — если бы гнев мог материализоваться, ворота школы просто сгорели бы дотла.

Цуй Шэнлинь пришел на удачу — он еще не знал, что Луань Чэн сменил статус на

«приходящего» ученика. Он надеялся найти какой-нибудь способ пробраться к нему, и то, что Луань Чэн сам вышел из ворот, стало для него приятным сюрпризом. Луань Чэн прошел мимо, не удостоив его взглядом. Цуй Шэнлинь не спешил подавать голос, а просто следовал за ним на расстоянии трех-четырех метров.

Так совпало, что Гу Цинхуай в это время тоже возвращался «домой». Бай Ю и Мин Юэ летели по обе стороны от него, то и дело оборачиваясь и с любопытством разглядывая Цуй Шэнлиня. Луань Чэн неистово молился, чтобы тот не открывал рот, а особенно — не болтал лишнего! Но, очевидно, небеса его не услышали.

Стоило Луань Чэну войти в подъезд учительского дома, как Цуй Шэнлинь прижал его к стене:

— Сяо Луань, может, хватит ломать комедию?

— Заткнись! Скажешь еще слово — и я тебе врежу, понял? — прошипел Луань Чэн, с силой отталкивая его.

Впереди, на лестнице, шаги Гу Цинхуая на мгновение замерли. Он не обернулся; пауза была почти мимолетной, после чего он продолжил подъем. Вскоре сверху донесся звук открываемой и закрываемой двери.

Луань Чэн выдохнул.

Цуй Шэнлинь, тоже решив, что лишние уши ушли, перешел прямо к делу: — Луань Чэн, я всё обдумал. Я был неправ. Давай помиримся, а? Не как друзья или братья, а по-настоящему, как раньше, мы снова будем...

Бах! Луань Чэн, не раздумывая, заехал ему в челюсть.

— Тебе плевать на приличия, а мне — нет. Будь добр, выбирай место для таких разговоров!

С этими словами он развернулся, чтобы подняться к себе. Но внезапно сверху послышались шаги, а затем голос учителя физики Ю Жунгуана:

— Гу Цинхуай? Почему стоишь у двери, а не заходишь?

Луань Чэн: — ??!

Оказывается, дверью хлопал учитель физики?! Лицо Луань Чэна стало чернее тучи. Цуй Шэнлинь, видимо, тоже осознал, что натворил лишнего, и, не дожидаясь ответа, пустился наутек.

Луань Чэну хотелось догнать его и прирезать на месте! Позор, позор, позор...

Он тоже выскочил на улицу — просто чтобы не пересекаться с учителем Ю. Он не знал, сколько они слышали, но из-за сильного эха в подъезде голос Цуй Шэнлиня, хоть и негромкий, наверняка был различим. Учитель физики, спустившись, еще какое-то время недоуменно озирался — он был уверен, что слышал внизу голоса.

Луань Чэн прятался за дверью, пока Ю Жунгуан не ушел в сторону школы, и только тогда решил зайти обратно. Гу Цинхуай уже был у себя, в подъезде никого не осталось.

Поднявшись к 301-й квартире, Луань Чэн замер перед дверью, но так и не решился постучать.

— Хоть убей, не пойму, — ворчал Бай Ю, глядя на Гу Цинхуая, который молча сидел на диване.

— Луань Чэн — это же лакомый кусок, который сам в руки плывет. Чего ты медлишь? Если раньше тебя смущала его ориентация, то теперь и это не вопрос. Разве это не знак свыше? Цинхуай, ты же лучше всех знаешь, что судьбу не изменить. Раз Таз Суженых показал, что вы пара, зачем ты от него отгораживаешься?

— Именно потому, что судьбу не изменить, нельзя действовать безрассудно, — тон Гу Цинхуая был резким. — У меня остался всего год. Если за этот год я не найду способ исцелить свою расколотую душу, меня ждет только смерть.

— И поэтому ты не заводишь друзей и не влюбляешься? — хохотнул Бай Ю. — Тебе не «Цинхуай» фамилию, а «Трус»!

— Говори что хочешь, — Гу Цинхуай встал и ушел в спальню, с грохотом закрыв дверь.

Бай Ю в ярости попытался что-то швырнуть, но его рука просто прошла сквозь предмет.

Мин Юэ вздохнула: — Ладно тебе, какой смысл с ним спорить. Столько времени вместе, а ты всё еще не привык к его характеру?

— Привык? Да ни черта я не привык! Упрямый как осел!

— Дело не в упрямстве. На самом деле, если бы не этот случай с тазом, Цинхуай мог бы стать Луань Чэну отличным другом. Но раз таз предрек им общую судьбу, он боится. Если исчезает друг — это больно, но со временем проходит. А если уходит любимый человек? Кто выдержит такой удар? Цинхуай... он одиноко живет, но его принципы крепче стали. Он считает: раз разлука неизбежна, лучше с самого начала оставаться чужими. Мы же видели, как он рос. Ты ведь прекрасно понимаешь, почему он такой.

Бай Ю при этих словах мгновенно сдулся, как проколотый мяч.

<http://bllate.org/book/16943/1573509>